

П.А. Кулиш

**Отпадание Малороссии от Польши
(1340-1654)**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.А. Кулиш**
Отпадание Малороссии от Польши (1340-1654): Том 3 / П.А. Кулиш – М.: Книга по Требованию, 2014. – 415 с.

ISBN 978-5-458-28090-7

ISBN 978-5-458-28090-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Snaćby znosniejsza od nieprzyjaciela
 Poniść szwank taki; ale, że od Chmiela
 Śmieci wzgardzonej,—to najwięcej boli,
 To, że i chłopskiej blizyśmy niewoli.

Смяровскій выѣхалъ изъ Варшавы подъ хорошимъ предзнаменованіемъ,—въ день Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы Маріи (in ipso die Annuntiationis B. V. Mariae), но, по причинѣ опасностей и дурной дороги, достигъ Чигирина едва въ три недѣли. Хмельницкій былъ даже надменнѣе (daleko większej nadętości), нежели во время Пётр-славской комиссіи. Принялъ онъ королевскаго посла самымъ недостойнымъ образомъ (indignissime go exserit),—какъ послѣдняго мундуба (vilissimum de plebe hominem). Когда подали Хмелю королевскій листъ, онъ швырнулъ его писарю черезъ столъ, такъ что листъ упалъ на землю (aż na ziemię upadł). Въ то же самое время принималъ онъ (писалъ Смяровскій) московскаго и венгерскаго пословъ дружественно (rompatice), съ бавалькадой, съ военной музыкой, и услышалъ слухъ (распущенный самимъ Хмельницкимъ), что Москва дала ему 20.000 своего войска. У Смяровскаго были отобраны всѣ кони, челядь его была изрублена. Но при этомъ Смяровскій—что весьма характеристично—нашелъ себѣ двухъ покровителей между козаками, еще такихъ, которые сообщали ему копии писемъ своего гетмана султана-галъ, въ Періашъ-агъ, Карашъ-мурзъ, и помогали доставлять его депеши въ Варшаву. Скоро, однакожь, Варшава узнала, что въ погибь жертвою своей ловкости. Козацкій Батько не нашелъ друга средства обезпечить свои секреты въ предательской средѣ своей, и истребить соблазнителя.

Памятникомъ существованія Смяровскаго осталось поздно высказанное имъ убѣжденіе,—что тотъ былъ бы глупъ, кто бы осмѣлился встать въ это пекло (kto by się w to piekło odważył): „ибо колеса уже разбѣжались, что каждый долженъ здѣсь погибнуть“. И его собственною пріѣздъ удивилъ Хмельницкаго, потому что чернь была крайне раздражена потерю Бара и битвой подъ Межибожемъ, а самъ онъ (доносилъ Смяровскій) „только и дышетъ, что яростью да мстью (sam intus nisi furem et vindictam spirat)“.

По словамъ Смяровскаго, Хмельницкій ежедневно и ежечасно мѣнялъ свои мысли (in dies et horas singulas inutatur). Если когда подавалъ нѣкоторую надежду на миръ, то черезъ часъ дѣлалъ такъ непохожъ на самого себя, какъ непохожа ночь на день (w mżynie odmieni się jako noc ode dnia).

Послѣднее извѣстіе пана Смаровскаго было таково: что, по словамъ Хмельницкаго, миръ невозможенъ, а должна стѣна удариться объ стѣну, и одна—обвалиться, а другая—остаться (aż się ściana i ściana uderzy, a jedna się obali, druga zostanie)“. Онъ звалъ къ себѣ Татаръ не только на добычу, но и на то, чтобъ „до конца выгубить поколѣніе и имя ляшеское“.

Пугали Польшу и вѣсти, полученные изъ Подольскаго Камьяна. Оттуда Каменецкій каштелянъ, Станиславъ Лянцкоронскій, писалъ Оссолинскому, что Хмельницкій прислалъ Туркамъ черезъ Татаръ вѣчное подданство, съ тѣмъ, что онъ побусурманится со всѣми козаками, лишь бы только помогли ему истребить польское имя. Татары и Греки представляли Туркамъ, что Хмельницкій завоевалъ уже Польшу по Бѣлую Воду; за Бѣлой Водой осталось Польши только немножко: онъ хочетъ завоевать въ этомъ году и остатокъ.

Подъ вліяніемъ страха, бискупы-сенаторы говорили въ государственномъ совѣтѣ: „Напрасно думаютъ, что король его милость ищетъ воевать съ холопамъ: это не клопы, а воины, страшные самому Десарю оттоманскому“.—„Не за подданство уже теперь воевать намъ (прибавляли другіе), „а за Божию кривду, за святой сакраментъ, за костелы“, и, забывая, что сами съ папою да съ іезуитами наждамъ жару, норовили загребать его чужими руками. „Добрый кавалеръ.“ (говорили бискупы) „не спрашиваетъ, сколько непріятеля и какой непріятель, а спрашиваетъ: гдѣ онъ? (qualis sit et quis sit, sed ubi est)“.

Тутъ же патріоты, желавшіе, чтобы жолнеръ воевалъ за нѣмъ въ долгъ, рассказывали, какое множество невольниковъ навезли Турки въ Царьградъ суней и моремъ: за одинъ де лукъ или за дукатокъ стрѣлъ дають плѣнника; а плѣнниками были не только богонавистные схизматики, не только богоугодные католики, но и тѣмъ торыхъ молитвы властны освободить грѣшники изъ чистилища: и въ Царьградѣ и на невольничьихъ рынкахъ каплановъ, которые испали своимъ зрителямъ состраданіе больше всего тѣмъ, что „привели ко всевозможнымъ удобствамъ жизни“.

Много было новостей, занимавшихъ членовъ королевской рады, но всѣ до одной были печальнаго свойства. Напримѣръ: изъ Туркитаеъ идутъ къ Хмельницкому; что подъ Добруджей и Болгарами въ одномъ селѣ не осталось ни одного хозяина: все пошло въ противъ Ляховъ, и жители обоихъ береговъ Дуная двинулись головно въ козацкія купы; а одинъ шпіонъ доносилъ изъ Украйны, что Хмѣль смѣнилъ многихъ полковниковъ, узнавъ отъ ворожки,

не будетъ уже „счастить козацкая доля“. Себя онъ считалъ *формидальнѣйшимъ*.

Когда наступила Зеленая Недѣля, послѣдній срокъ заключеннаго въ Переяславѣ перемирія съ козаками, король повелѣлъ своему триумвирату соединить войско и приблизиться къ непріятельскимъ занятиямъ, не ожидая соединенія Хмеля съ ханомъ. Тремя полководцами у него, какъ уже сказано выше, были: Андрей изъ Дубровицы, Фирлей, старый воинъ и опытный вождь, но постоянно хворавшій и слабый, Станиславъ Лянцкоронскій, отважный боець, какъ и его дядя, предводительствовавшій неомужиченными еще козаками, но плохой полководецъ, и графъ Николай Остророгъ, охарактеризовавшій себя готовностью отдаться на милость пилявецкимъ героямъ, козакамъ и Татарамъ. Достоинно, однакожь, замѣчанія, что генераль, вообразившій послѣ пилявецкой паники все потеряннымъ, начальствовавшимъ подъ Пилявцами авангардомъ дѣйствующей арміи. Еще замѣчаніе, что при составленіи повтореннаго триумвирата, не могли ни кто замѣнить его; а всего замѣчательнѣе, что въ новой кампаніи Остророгъ велъ себя, если не прямымъ героемъ, то и не слабодушнымъ воинемъ.

Фирлей съ своей стороны показалъ, что въ его немоцномъ тѣлѣ остался духъ бодрый. Онъ, вмѣстѣ съ Лянцкоронскимъ, выбралъ позицию для генеральнаго лагеря весьма удачно и защищалъ ее съ великимъ искусствомъ. Король и коронный канцлеръ указывали имъ на князь Консантиновъ; но Остророгъ, въ письмѣ изъ-подъ Збаража, отъ 3 іюля, оправдывалъ сдѣланный его товарищами выборъ разумными соображеніями, и этимъ доказалъ, что князь Вишневецкій не напрасно поднялъ его во Львовѣ изъ упадка.

Занявъ боевую позицію, триумвиры нашли необходимымъ опереться на мужество, популярность и боевыя средства Вишневецкаго, котораго, къ удовольствію мудраго на всякое зло Хмеля, Янъ Каплицъ взялъ изъ рукъ булаву, ввѣренную ему тѣми людьми, которые считались мужественнѣе гетмановъ, назначенныхъ сеймомъ. Естественно, что Вишневецкій, за этотъ глупый и наглый поступокъ, воспылалъ презрительнымъ негодованіемъ и къ самому королю, и къ его приближеннымъ. Сперва онъ рѣшился было не вмѣшиваться въ толпу людей, которыхъ, очевидно, судьба обрекла на погибель, такъ какъ они потеряли общій человѣческой смыслъ. Потомъ ему стало жаль и себя, и своей семьи, своихъ вѣрныхъ слугъ-соратниковъ, и, можетъ быть, своей неразлучной со славой падающаго уже отечества. Онъ созвалъ въ свой шить, кого могъ, и держался въ полѣ особнякомъ, подобно

тѣмъ „безупречнымъ и знаменитымъ Геркулесамъ“, которые „стояли на границахъ, какъ мужественные львы, и жаждали только кровавыхъ бесѣды съ невѣрными“. Къ нему присоединился племянникъ его, носившій имя славнаго Дмитрія Вишневецкаго Байды, и бывшій соперникъ его въ колонизаціонной борьбѣ за Хороль и Гадячь, Александръ Конецпольскій. Ему ввѣрилъ свое ополченіе и князь Доминикъ Заславскій, а братъ его Гризельды, молодой Янъ Замойскій, находясь подъ его опекой, былъ естественнымъ его союзникомъ. „Начинается страшная буря, наступаютъ времена роковыя“ (писалъ князь Теремія въ универсалѣ къ шляхтѣ). „Уже король выдалъ, какъ говорятъ, вторыя *вици* (оповѣщанія) на посполитое рушеніе; о третьихъ еще не слышно, но отечество въ крайнемъ положеніи: надобно съшить“....

Какъ и въ прошлую кампанію, Вишневецкій намѣревался стоять особнякомъ; но Лянцекоронскій ѣздилъ въ его лагерь и упростилъ присоединиться къ генеральному лагерю. Лянцекоронскому Рѣчь Посполитая была обязана защитой Камянца Подольскаго: этотъ подвигъ высоко цѣнилъ нашъ Байдиць, равно какъ и то, что онъ побилъ княжичанъ подъ Межибожемъ.

По реляціи Остророга, все простонародье между Богомъ, Горынью и Случью обратилось въ мятежниковъ, лишь только воронное войско удалилось оттуда. Повторилось то, что было въ Украинѣ послѣ Корсунщины: добыча панскаго плуга сдѣлалась добычею козацкаго меча, какъ это изображено въ современномъ стихотвореніи:

Zeszły z pól wszystkie po Nadbożu pługi;
Nie obejrzał się aż za Wisłą drugi *).

А между тѣмъ жолнеры требовали своего жолду, и не только иностранцы, но и Поляки не хотѣли „воевать въ долгъ“. Отъ этого малочисленное войско триумвировъ съ каждымъ днемъ уменьшалось. И пахòлки, и самое товарищество разѣзжались изъ-подъ хоругви, такъ что отъ нѣкоторыхъ оставалось только по половинѣ и еще меньше. Когда посылали ихъ на подѣздъ, хоругви соглашались идти только самъ-пять. По мнѣнію Остророга, противъ этого зла было только одно лѣкарство (*remedium*)—возможно скорая присылка денегъ. Замечательное чѣмъ-то наступленіе Хмельницкаго приписывалъ онъ божествен-

*) Исчезли съ полей все плуги по Надбожію: иной оглянулся назадъ ко изъ-за Вислы.

ному Промыслу: „Опять и опять (*iterum et iterum*) просимъ прислать намъ деньги“ (писалъ Остророгъ въ Оссолинскому): „а то войска этого немного останется. Не ласками и не строгостями возможно удержать его на службѣ, а только деньгами. Въ лошадяхъ у насъ большой недостатокъ отъ безпрестанныхъ чать, а купить не за что. Шпіона весьма трудно найти: между этой Русью все предатели. А добудешь козвѣи, — хоть сажги его, правды не скажетъ; такъ что намъ надобно ждать отовсюду непредвидѣнной бѣды, не безъ великой опасности столь уменьшившагося войска (*insperatum malum undique, non sine grandi periculo tam diminūti exercitus*)“.

Эти слова тѣмъ замѣчательнѣе, что оказались вѣрнымъ предсказаніемъ подъ перомъ челоуѣка, еще недавно совсѣмъ было потеряваемаго. „Единственной противъ этого средство“ (повторялъ онъ *iterum et iterum*)—„поддержатъ здѣсь насъ деньгами“.

При такомъ хозяйничаніи польскихъ скарбовыхъ людей и вообще правительственныхъ представителей Польши, не только такіе мученики ихъ несостоятельности, какъ великіе полководцы Жовковскій и Конецпольскій, являются истинными героями долга и чести, но даже и рядовые жолнеры. Это были честные воины, зависѣвшіе отъ жидовскаго кагала пановъ-доматоровъ. И вотъ почему князь Вишневецкій, вдругъ „потерявшій все, что имѣлъ“, какъ о немъ говорили во Львовѣ, своимъ отважнымъ стояніемъ противъ опаснѣйшаго изъ враговъ отечества—предателя, бунтовщика и поджигателя Хмеля — вселялъ безграничную къ себѣ преданность въ благородныя сердца, которыхъ, увы! всегда и вездѣ бывало мало.

Пока не прибылъ онъ въ Збаражу, въ генеральномъ лагерѣ происходила сумятица, подобная сеймовой польской, или нашей вѣчевой древнерусской: гетманы не ладили между собой; жолнеры не повиновались гетманамъ; войска, способнаго къ бою, осталось всего 6,000. Но когда въ этому войску прибавилось 3,000 панскихъ дружинъ подъ командою любимца полководца, все вдругъ перемѣнилось. Забывая о сеймѣ и королѣ, восторженные жолнеры, по вдохновенію минуты, провозгласили князя Вишневецкаго главнокомандующимъ. Увлечлись порывомъ благороднаго чувства и regimentари: отвергнутому королю гетману была предложена булава; а войско, еще недавно разбѣгавшееся изъ-за недоплаченнаго жолда, вызвалось служить ему двѣ четверти бесплатно. Но Вишневецкій булавъ не принялъ, и серомно сталъ въ ряду полковниковъ. Эта нѣмая демонстрація противъ короля соединила съ нимъ еще тѣснѣе всѣ сердца. Збаражское войско видѣло

въ немъ, своего главнокомандующаго; его совѣты принимались, какъ повелѣнія; нарушить его планъ дѣйствія боялся каждый.

Теперь въ генеральномъ лагерѣ насчитывали 15.000 людей; но пѣхоты у пановъ было только 2.000. Всадники были готовы и на пѣшую службу подъ начальствомъ Вишневецкаго. Краснорѣчиво было простое слово его, когда онъ, объѣзжая полки, требовалъ безусловнаго повиновенія, точно импровизированный императоръ, и вспоминалъ о Пилявцахъ, гдѣ все дѣло было погублено отъ неурядицы. Его требованіе было голосомъ каждаго разумнаго сердца: ему внимали, какъ поэту боеваго стоянья.

Непріятель приближался медленно, съ безчисленными толпами соблазненной и запуганной черни, съ безчисленными толпами крымскихъ, погайскихъ и другихъ наѣздниковъ. Нѣкоторые козацкіе полки состояли изъ 20.000 душъ. Татарами предводительствовалъ самъ ханъ, Исламъ-Гирей, который „правилъ своимъ конемъ хорошо“, у котораго „между нимъ и невѣрными была только сабля“, какъ заявлялъ онъ Туркамъ при своемъ воцареніи, и который готовъ былъ обманывать своихъ союзниковъ такъ точно, какъ и непріятелей.

Окрестные мужики не были соблазнены добычею и запуганы козакотатарскимъ терроромъ, а потому, въ числѣ 6.000, ушли къ мѣщанамъ въ Збаражъ, подъ защиту панскаго войска.

Положеніе пріютившихся подъ Збаражемъ пановъ было безнадежнѣе того, въ какомъ находился Царь Наливай подъ Лубнами. Они сознавали вполне, что имъ грозитъ, но рѣшились, какъ бы въ испу- пленіе пилявецкаго бѣгства—или остановить козакотатарскія орды, или погибнуть, какъ это заявилъ старый Фирлей въ прощальномъ письмѣ къ королю. Онъ увѣрялъ, что непріятель пройдетъ во внутренность отечества только по головамъ защитниковъ Збаража. Отъ упадка духа, въ виду наступающихъ сотенъ тысячъ варваровъ, спасала пановъ только надежда, что король скоро придетъ къ нимъ на выручку съ посполитымъ рупеніемъ, котораго двои *вими* они уже читали. Но эта надежда сдѣлалась весьма сомнительною послѣ того, когда ихъ многобратныя предостереженія и просьбы о помощи не вызвали у короля и вороннаго канцлера никакихъ обѣщаній. Лянцворонскій писалъ къ полковнику королевской гвардіи, Минору, что можно было бы назвать сумасшедшимъ того, кто бы отважился приблизиться къ Збаражу съ помощью въ нѣсколько сотенъ и даже въ нѣсколько тысячъ воиновъ.

Хмельницкому были извѣстны не только боевыя средства защитниковъ Збаража, но и все, что дѣлаютъ столичные патриоты. Его ко-

заки давали себя съечь, сохраняя войсковую тайну; но тайны своихъ противниковъ узнавалъ онъ не только отъ захваченныхъ въ плѣтъ жолнеровъ; не только отъ болтливой шляхты, но и отъ варшавскихъ пановъ; такихъ же предателей по природѣ и воспитанію, какимъ былъ онъ самъ. Имѣя всюду подкупленныхъ панскими же деньгами доброжелателей, онъ могъ освѣдомиться даже и о томъ, что цѣлая половина панскаго войска, вписаннаго въ *компутъ*, находилась неизвѣстно гдѣ; что волонтеры бродили по всему государству и опустошали беззащитныя имѣнія своихъ согражданъ; а правители государства, вмѣсто того, чтобы поддержать армію контингентами, „искали только, на кого бы взвалить вину“, какъ это поставилъ Кисѣль на видъ своимъ соотечественникамъ, въ письмѣ къ Оссолинскому отъ 23 (13) іюля. Хмельницей пользовался панскимъ разномысліемъ и раздѣльностью панскихъ интересовъ съ самаго начала своего бунта. Судьба, казалось, готовила ему и на сей разъ Корсунь да Пилавцы. Но словамъ Фирлея въ послѣднемъ, возможномъ еще донесеніи королю, онъ думалъ, что паны бѣжали или готовы бѣжать изъ-подъ Збаража, а потому ускорилъ свое медленное сперва наступленіе, и 6 іюля (27 іюня) былъ уже въ пяти миляхъ отъ нихъ. Въ генеральномъ лагерѣ ждали его черезъ два дня.

Вишневецкій болѣе нежели кто-либо изъ его сподвижниковъ понималъ, какъ трудно подать Збаражскому войску скорую помощь. Онъ лучше нежели кто-либо зналъ, что имѣеть дѣло съ противникомъ, столь же безпощаднымъ въ холодной хитрости, какъ и въ разъяренномъ бѣшенствѣ. Но бурный духъ нашего Байдича, вооружавшій руку его противъ сеймующаго панства, проявился теперь въ твердой рѣшимости бороться съ дикою силою всѣми своими средствами. Рѣшимость его поддерживала крѣпкая позиція, занятая триумвирами подъ Збаражемъ.

Збаражъ былъ окруженъ въ то время водами, топами и лѣсами; которые болѣе или менѣе исчезли въ теченіе двухъ сотъ сорока лѣтъ. Эти; какъ говорилось тогда, фортели прикрывали панскій лагерь отъ многочисленнаго непріятели; а взгорья и байраки, окружавшіе родовое гнѣздо русскихъ нѣкогда князей Збаражскихъ, способствовали вылазкамъ и обезпечивали *пашу* для лошадей.

Черный лѣсъ тянулся тогда до дороги изъ Жалоциць. Между нею и дорогою, идущею изъ Вишневца, дубовые лѣса съ востока шли до самихъ Люблянокъ, а съ юга всѣ окрестности Зарудья, Вахлахови, Стривки и Кротовичъ были перерѣзаны множествомъ озеръ и топей. Грязистая почва не благоприятствовала движеніямъ татаръ.

свихъ и козацкихъ наѣздниковъ, тогда какъ у панской конницы на склонахъ окоповъ было довольно мѣста для обороны.

Городъ Збаражъ, окруженный водою съ трехъ сторонъ, помѣщался какъ бы въ глубинѣ подковы. Съ востока и запада обороняли его два озера, соединенныя съ юга рѣчкою Гнѣзною. Отверстіе подковы, обращенное къ сѣверо-западу и глядѣвшее на Жалоцицы, было укрѣплено рвомъ и тыномъ. Плеча подковы съ востока продолжали взгорья, а съ запада—черный лѣсъ, такъ что жалоцицкою дорогою можно было приблизиться къ городу. На другомъ берегу Гнѣзны, съ востока, возвышался на взгорьѣ сильный замокъ Збаражскихъ, зданіе величественное, построенное въ 1587 году, а между нимъ и восточнымъ озеромъ лежало предмѣстье Пригородокъ.

Къ югу отъ города и замка волнистая почва представляла высоту, удобную для помѣщенія всѣхъ ожидаемыхъ подрѣпленій. Начальникъ артиллеріи, Криштофъ Пріемскій, получившій образование во французской арміи, расположилъ становище соотвѣтственно не сбывшимся ожиданіямъ. Тынь панскаго лагеря прилегалъ къ городу и замку, и только одну часть его, выходящую сзади за восточное озеро, предполагалось обезопасить валомъ. Скарденая медлительность худшихъ представителей Польши заставила лучшихъ переиначивать свою диспозицію подъ напоромъ непріятеля.

Вечеромъ того же дня, когда Вишневецкій вѣхалъ въ генеральный лагерь, вернулся подѣздъ, состоявшій изъ 15 хоругвей, и донесъ, что подъ Човганскимъ Камнемъ, въ пяти миляхъ отъ Збаража, встрѣтилъ непріятеля и ведетъ его за собою. Языкъ изъ Гадяча, захваченный подѣздомъ, объявилъ о великой козакотатарской силѣ. И рядовые жолнеры, и полководцы лично бросились къ заступамъ да лопатамъ, какъ это было, полстолѣтія съ небольшимъ, назадъ, въ лагерь Яна Замойскаго на Цопорѣ, гдѣ малочисленное польское войско отсидѣлось въ окопахъ отъ многочисленныхъ азіятцевъ. Своро старые окопы были восстановлены, и каждый отдѣлъ войска занялъ свою позицію. Войско было раздѣлено на пять частей, подъ начальствомъ пяти дивизионныхъ полководцевъ: Фирдея, Лянцкоронскаго, Остророга, Вишневецкаго и Конецпольскаго.

Юля 10 (1), въ субботу, появился козакотатарскій авангардъ. Ему надобно было осмотрѣть непріятельскую позицію; и суетвѣрно попытать счастья. Первый ударъ предвѣщалъ козакамъ и Татарамъ удачу и неудачу войны.

Панское войско вышло за окопы и построилось въ боевой порядокъ. Въ это самое время къ Збаражу приближался небольшой во-

зовой таборъ Вишневецкаго, заключавшій въ себѣ 200 пѣхотинцевъ и 200 легко вооруженныхъ всадниковъ. Козаки и Татары окружили его, какъ на Желтыхъ Водахъ Стефана Потоцкаго. Но здѣсь не было измѣнниковъ драгунъ. На выручку подоспѣлъ Вишневецкій и первый поадоровался съ варварами. Козакотатарскій авангардъ охватилъ его своими крыльями; но на него ударили гусары; онъ разлетѣлся въ мелкія купы гарцовниковъ, — и воевой таборъ вступилъ въ окопы при громѣ пушекъ. „Самъ Господь принесъ къ вамъ этого человѣка“ (пишетъ авторъ осаднаго дневника о Вишневецкомъ): „онъ спасалъ насъ и совѣтомъ и мужествомъ“.

Татары, служившіе въ это время козацкую службу панамъ, сражались храбро противъ своихъ соплеменниковъ, помогавшихъ козакамъ, такъ что въ первомъ столкновеніи съ неприятелемъ подъ Збаржемъ легло ихъ на мѣстѣ болѣе сотни. Они выходили противъ ханскихъ гарцовниковъ, раздѣлившись на мелкія части, сперва втроемъ, потомъ вчетверомъ, потомъ вдвоемъ, а потомъ уже бросались цѣлою чатою.

Гарцовники, отступая, облетѣли весь лагерь издали, а между тѣмъ наступали новыя и новыя массы. Онѣ ступали на горизонтъ цѣлый день и продолжали наступать по заходѣ солнца. Теплая и тихая ночь глухо звучала въ ушахъ осаденныхъ сотнями тысячъ голосовъ.

Чтобъ ободрить войско, князь Вишневецкій задалъ киръ офицерамъ въ замкѣ. Госты пили подъ звуки трубъ и литавръ. Пушки и мортеры гремѣли въ отвѣтъ на голоса, долетавшіе въ окопы съ поля. Вишневецкій вселялъ во всѣхъ бодрость и веселымъ видомъ, и своею рѣчью, которою наставлялъ младшихъ, какъ они должны дѣйствовать на умы прочихъ жолнеровъ... Увы! онъ указывалъ на самое безчестное и вредоносное для Польши дѣло Поляковъ, какъ на самое достохвальное и въ настоящемъ случаѣ вдохновительное: онъ пробуждалъ въ своихъ соратникахъ боевой энтузіазмъ двухлѣтнимъ сидѣніемъ польскихъ соотечественниковъ своихъ въ сердцахъ Россіи, Москвѣ, двухлѣтнимъ споромъ за нее съ Московскимъ Царствомъ. Воспитаніемъ іезуитовъ: не нашелъ въ польской исторіи лучшей страницы. и теперь, стоя мужественно противъ дикихъ руинниковъ, которые вторгнулись въ нѣдра цивилизованнаго государства, восхвалялъ такихъ же руинниковъ, терзавшихъ сосѣднее государство по указанію нанскихъ кевретовъ. Римскою логикой своею, онъ побивалъ соотечественниковъ своихъ, въ конечномъ результатѣ больше, чѣмъ хищные варвары — огнемъ и желѣзомъ.

Козаки и Татары расположились полукружіемъ; символическимъ строемъ послѣдователей Магомета; намекавшимъ на священный для нихъ полумѣсяцъ. Въ полдень слѣдующаго дня, задремавъ нагнъ Хмѣль 30-ю гарматами своими, и необозримыя массы козако-татарскаго войска двинулись на приступъ, какъ бы съ намѣреніемъ растоптать осажденныхъ въ одинъ пріемъ. Они подняли страшный крикъ, которымъ козаки и Татары всегда сопровождали свои приступы. Но это была фальшивая атака: Хмельницкому надобно было только взвѣсить силу панскаго отпора. Однакожь тѣхъ, которые не бывали въ бояхъ съ варварами и не знали, что большая часть хмельничанъ была вооружена дубьемъ, дикій крикъ необозримой толпы поразилъ ужасомъ. Участвовавшіе въ походѣ ксендзы вышли съ процессіей, давали всѣмъ желающимъ опрѣсночный сакраментъ и, по выраженію дневника, отрезвили боязливыхъ. Тѣмъ не менѣе густая пальба дѣлала свое дѣло.

„Въ этотъ день“ (говорить авторъ дневника) „у насъ въ лагерѣ было больше пуль, нежели во Львовскомъ повѣтѣ куринныхъ яицъ. Нѣкоторые изъ региментарей, видя прострѣленными свои палатки и множество падающихъ людей, начали было теряться; но князь Вишневецкій поддержалъ войско своимъ примѣромъ, такъ что Хмельницкій, обѣщавшій хану ночевать въ нашемъ лагерѣ, долженъ былъ отступить со стыдомъ.“

Въ понедѣльникъ 12 (2) іюля подошли остальные козацкіе полки съ возовымъ таборомъ и расположились въ четверти мили отъ панскаго лагеря, занявъ цѣлую милю своимъ становищемъ.

Ночью насыпали козаки три шанца, вооруженные 40 пушками и открыли пальбу на разсвѣтъ. Но козацкіе пушкари больше гремѣли, нежели вредили своему непріятелю: Хмѣль не успѣлъ набавать пушкарей, которыхъ бы стоило, по примѣру Царя Наливага, приковывать къ пушкамъ.

Во вторникъ 13 (3) іюля начался общій приступъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ. Правое крыло, гдѣ стоялъ Вишневецкій, отразило нападающихъ скоро. Но лѣвое, напротивъ стоянокъ Фирлея, колебалось между гибелью и спасеніемъ. По словамъ дневника, региментаріи совѣщались уже о бѣгствѣ въ замокъ (*consilia juzъ były usiekae do zamku*), и войско спаслось отъ паники только благодаря тому, что Вишневецкій, отразивъ у себя нападеніе, подерѣпилъ во время Фирлея. Съ величайшими усиліями удалось панамъ сбить хмельничанъ съ валовъ. Въ это время Маркъ Собѣскій высочилъ за валы съ отрядомъ конницы и ударилъ на бѣгущихъ сбоку. Множество коза-